

Женитьба Алеши (2)

И там сосваталсе, <Илья> тысяцким стал, это к Олёше, и свадьба завелась. Увели Олёшину

— Добрыни жонку. Вот и за стол сели, тáмотки свадьба завелась. И Добрыня воскрёше. Они

уж так договорились: пришел ко своей матери, не сказавши, пришел кали́кой. «Ой еси ты, Апраксия-королевичня,— говорит, — дай мне Добрыниного платья цветного, не самолучшего, да самохудшего!»

Та и дала. «Сходить, — говорит, — к Олёши на свадьбу, — говорит, — посмотреть

Олёшина молода жона». (*А своя жонка!*)

И вот и та дала. «А дай, — говорит, — еще Добрыниных золотых гуслéй, — говорит, —

повеселить, — говорит, — Олёшина молодá жона». Та и говорит: «Тебя не пропустят, — говорит,

— у ворот-то стоят подворотники, — говорит, — среди двора — сторожá, у дверей — придверники».

— «Ничего, — говорит, — так я пройду!»

Вот дала гуслей ему. Он пришел, пошел тáмотки. В кормашек просунул ему горсть денег.

(*Там вот деньги не бумажны у ёго!*) Вот те пропустили. Пришел к сторожам — то же. Те пропустили.

И второе место так же.

Ну вот, зашел на свадьбу, и зашел на печку, на печной столб сел, и сидит калика дак кали́кою!

Каликой пришел. А Илья Муровец тысяцким стоит и видит, что уж он пришел. Вот и стали обносить

чарки. Всех обнесли это, он сидит. А Илья и говорит: «А еще там человек есть, — говорит, —

ударьте палкой, да не обнесите чаркой!» Вот ему поднесли чарочку не большú, не малу <...> поднесли

чарочку зеленá винá не большу, не малу — полтора ведра. Он принимает
единóй рукою и
выпивает к одному́ духу́. А тут и ужáхнулись: «Что <...> что за человек?»

Вот сидели, сидели. Он сидел, сидел и заиграл в эти гусли. Вот и Олёшина
молода призадумалась,
жона этого, а вот та сватьюшка сидит с краю, — прирасплакалась: «Давно,
давно, —
говорит, — в Киеве не бывало такого, таких гуслей, — говорит, — давным
давно не бывало такого
игрока. Играт, — говорит, — взамен Добрыни Микитича!»

Вот сидели, сидели, спровадили молодку это — обносить опеть чарки.
Обносила, обносила,
поднесла к ёму чарку меду сладкого, опеть не большу, не малу — полтора
ведра. Он опеть так же:
принимает единóй рукой и выпивает к одному́ духу́. И выхватил из кармана
платок отираться, —
имянно́ клеймо ей. Вот она повернулась ко столу: «Ой еси, Олёшенька
Попович, — говорит, —
здорово женилсе — не с кем спать! Пришел у мене Добрынюшка из чистá
поля!»

Тот соскочил да ей за руку взял. Тот вскочил — со стены схватил саблю, а
этот, тысяцкой-то,
схватил ёго: «Не летай, — говорит, — ворона, за ясным соколом, не бегай, —
говорит,
— Олёшенька, за Добрыней Микитичём, — говорит, — потеряешь буйну
голову! Я-то не
тебе чёта, — говорит, — да он сидел у меня на белых грудях!»

(Вот и все.)

*(Зап. Л. Миронихиной, Е. Цветковой в июле 1975 г.: д. Лобан Мезенского р-на
— от Анфимовой Татьяны Ивановны, 82 лет.)*

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.:
Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.